

Нобель для Королева

9 июня 1957 года некто А. Г. Карпентков, не знаю, фамилия ли это реального человека или за ней скрывался кто-то из «секретных» ракетчиков, поместил в газете «Известия» статью под заголовком «Первый шаг в космос». В ней он писал, что не за горами то время, когда в небо запустят искусственную Луну, это трудно, «вот почему только две страны, наша и США, взялись за решение проблемы», но вполне реально.

Примерно в то же время в журнале «Радио» появилась заметка, сообщающая частоты будущего космического передатчика. После запуска первого советского спутника выяснится, что они абсолютно точно совпали с реальными.

В мире на эти публикации внимания не обратили.

1 июля 1957 года начался Международный геофизический год, условные двенадцать месяцев, в течение которых ученые всего мира намеревались впервые совместно обследовать Землю и ее ближайшие окрестности. Американцы объявили, что по такому случаю с помощью специально разработанной ракеты «Авангард» они запустят искусственный спутник Земли – сателлит. Решение о запуске советского спутника правительство приняло в январе 1956 года, но официально объявлять о нем не стали. В прессе то тут, то там проскальзывали статьи, наподобие приведенных выше, но звучали они глухо и неконкретно.

Так начиналась пока еще не объявленная космическая гонка, страна-победитель получала лавры самой передовой технологической державы, создателю такого чуда гарантировалось престижное место в мировой истории.

Советскую «команду» возглавлял Главный конструктор Сергей Павлович Королев. Он предпринимал все, чтобы обойти американцев, но дела у него поначалу не ладились, его межконтинентальная ракета то взрывалась в полете, а то и вовсе не отрывалась от стартового стола. Обычное дело в начале испытаний. Миновал май 1957 года, наступил июнь, за ним июль, Королев нервничал, если так пойдет и дальше, то американцы, не дай бог, окажутся первыми. Масла в огонь подлила опубликованная 23 июля в советских газетах коротенькая заметка, сообщавшая, что в США успешно провели испытания армейской ракеты средней дальности «Юпитер». У Королева упало сердце: опоздал, следующим пуском они забросят спутник на орбиту. Он сам именно так и планировал: один-два успешных запуска по баллистической траектории – и в космос. То, что американцы предназначали для спутника-сателлита специальную ракету «Авангард», Королев всерьез не принимал. Если у них появился летающий «Юпитер», какой смысл возиться с каким-то «Авангардом». Не дураки же там сидят!

На полигоне в Тюратаме (Байконуре) королевцы работали день и ночь, со дня на день ожидая сообщения о появлении американского спутника на орбите. Но газеты молчали – американцы не торопились. Они и не подозревали, что участвуют в одной из самых престижных гонок XX столетия с каким-то никому не ведомым Королевым из подмосковных Подлипок.

Королев соревновался не только с американцами. Дмитрий Федорович Устинов, министр, у которого работал Королев, подстраховался и дал задание другому своему главному конструктору – днепропетровцу Михаилу Кузьмичу Янгелю проработать запуск спутника ракетой средней дальности Р-12, аналогичной «Юпитеру». С Приволжского полигона в Капустином Яру она впервые стартовала 22 июня 1957 года и, в отличие от королевской Р-7, долетела до цели. Несмотря на успех, Янгель Королева особенно не беспокоил. Под запуск спутника Р-12 следовало доработать, добавить еще одну, разгонную ступень, а это требовало времени, и немалого.

И вот наконец к Королеву пришла удача. 21 августа его баллистическая ракета Р-7 долетела до цели на Камчатке, а 7 сентября – вторая. Теперь – спутник! И как можно скорее!

В начале октября в Вашингтоне намечалась конференция, посвященная итогам первых четырех месяцев Международного геофизического года. На 6 октября американцы поставили свой доклад, озаглавленный «Сателлит над планетой». Так совпало, что, согласно графику, королевский спутник планировалось запустить именно в этот день. В день, когда, по предположению Королева, американцы доложат о своем запуске, происшедшем на день или два раньше. Такого Королев допустить не мог. График ужали, проверочные операции совместили, работали круглосуточно в три смены. Но все равно раньше позднего вечера 4-го на стартовую готовность не выходили. Правда, поздний вечер в Тюратаме – это раннее утро на мысе Канаверал во Флориде, откуда американцы пускали свои ракеты. Так что еще оставалась надежда опередить конкурентов хотя бы на часы или даже на минуты. Королев нервничал. Он не знал, что никто с ним не соревнуется и никакого запуска сателлита в США на начало октября не планировалось.

Королевцы запустили спутник первыми, 4 октября 1957 года в 10 часов 28 минут 34 секунды вечера по московскому времени.

В тот день отец (и я с ним) находился в Киеве. Вечером 4 октября в обширном обеденном зале Мариинского дворца, где остановился отец, отобедав заранее у военных, за чаем собралось украинское руководство во главе с Первым секретарем ЦК Украины Кириченко, также присутствовали секретари ЦК, приехавшие на маневры московские гости, в том числе занимавшийся оборонными вопросами, Секретарь ЦК КПСС Брежнев и первый заместитель министра обороны, командующий сухопутными войсками Малиновский. Разговор за столом шел самый обычный. Говорили об урожае и капиталовложениях, о новых заводах и устаревшем оборудовании. Хозяева стремились «выбить» из центра дополнительные ресурсы, а именитые гости прикидывали – пойти навстречу или отказать. Отец хорошо понимал своих собеседников и в чем-то им сочувствовал. Совсем недавно он находился в их положении, так же, как и они, стремился «выдти» из Москвы что-либо полезное для республики.

Разговор затянулся. Время приближалось к полуночи, когда в зал вошел помощник и что-то прошептал на ухо отцу. Тот кивнул и со словами: «Я сейчас вернусь» – ушел в соседнюю комнату к телефону. О предполагаемом запуске спутника Земли отец сказал мне еще накануне, и сейчас я весь напрягся: «Как там? Удача или снова авария? Из пяти попыток пуска ракеты только две последние закончились благополучно». Отец отсутствовал недолго. Когда через несколько минут он, широко улыбающийся, появился в дверях, у меня отлегло от сердца.

Отец молча прошел на свое место, сел, но не спешил продолжить разговор. Он не торопясь обвел присутствующих взглядом, лицо его сияло.

– Могу сообщить очень приятную и важную новость, – начал он. – Только что звонил Королев (тут он сделал таинственное лицо). Он – конструктор наших ракет. Имейте в виду, его фамилию не надо упоминать, это секрет. Так вот, Королев доложил, что сегодня вечером, только что, запущен искусственный спутник Земли.

Отец обвел присутствующих торжествующим взглядом. Все вежливо заулыбались.

Забыв о теме предыдущего разговора, отец переключился на ракеты. Он стал рассказывать о коренном изменении соотношения сил в мире с появлением баллистической ракеты. Присутствовавшие слушали внимательно. Но лица их оставались равнодушными, они привыкли внимать отцу, независимо от того, что он говорил. О ракетах киевляне услышали впервые и не очень представляли, что это такое. Но раз Хрущев говорит, что дело важное, значит, так оно и есть.

О спутнике отец отозвался как об очень важном и престижном, но производном от межконтинентальной ракеты, достижении. И подчеркнул, что здесь нам удалось обогнать Америку, на деле продемонстрировать преимущества социализма!

– Американцы на весь мир разстрезвонили, что они готовятся запустить спутник Земли. Он всего-то величиной с апельсин, – заводился отец. – Мы молчали, а теперь наш спутник, не малютка, а восемьдесят килограммов, крутится вокруг планеты.

Пока отец рассказывал о ракетах, снова вернулся помощник и сообщил, что сейчас по радио передадут сигналы со спутника. Включили стоявший в углу радиоприемник. Все с любопытством вслушивались в прерывистый писк первого сеанса космической связи. Часы показывали половину второго ночи.

На следующий день, 5 октября, в субботу, на первой странице «Правды» в правом, верхнем углу, появилось заранее заготовленное Сообщение ТАСС: «В течение ряда лет в Советском Союзе ведутся работы по созданию искусственных спутников Земли. Как уже сообщалось в печати, они проводятся в связи с программой Международного геофизического года. 4 октября произведен запуск первого спутника.

В России еще в XIX веке трудами выдающегося ученого К. Э. Циолковского была впервые обоснована возможность космических полетов. В течение Международного геофизического года Советский Союз предполагает запустить еще несколько спутников».

Две газетных колонки, всего пятьдесят строк, столько же, сколько «Правда» отвела на той же странице, но в более престижном месте, информации об отъезде маршала Жукова с визитом в Югославию.

Запуск спутника произвел в мире невиданный фурор, перевернул представление о Советском Союзе. Все зарубежные газеты сообщали о нем на самом читаемом месте под эффектными заголовками, набранными самым крупным шрифтом.

Наша сдержанность имеет логическое объяснение. Мы не сомневались в своих возможностях, в том, что скоро, очень скоро, догоним и перегоним американцев. И спутник еще одно тому подтверждение. Сообщение ТАСС составлено в этом духе, духе сдержанной уверенности в себе, в том, что будущее за нами.

Американцы же и представить не могли, что какие-то русские посягнут на первенство в мире. Спутник породил истерию страха, вмиг разрушилось ощущение безопасности и вседозволенности, Америку больше не прикрывают бескрайние пространства двух океанов, она досягаема для советских ракет так же, как Советский Союз – для американских. А раз так, то Советы запустят свои ракеты, вернее, свою единственную ракету. Никому и дела не было до логики, никто не задавался вопросом, зачем и как СССР атакуют США, никто не вспомнил о многократном атомном превосходстве Америки.

Президент Эйзенхауэр попытался успокоить своих сограждан: «США по-прежнему самая мощная мировая держава, и никто на нее не нападет». Но его голос не слышали, у страха глаза велики. В Белом доме не испугались, но чувствовали себя уязвленными, а потому, как только прошел первый шок, заговорили о технологическом отставании, о необходимости принятия срочных мер. Для начала резко повысили финансирование образования, благодаря чему тысячи американцев за государственный счет закончили университеты. Была создана сеть исследовательских центров, поручили координацию работ специальному

ведомству – НАСА. К слову, Интернет, всемирная компьютерная паутина, появилась тоже благодаря спутнику и последовавшей за ним инициативе президента Эйзенхауэра. Научные ракетные и неракетные центры нуждались в общении, шаг за шагом начал налаживаться компьютерный обмен, создавались первые линии связи, писались первые протоколы общения.

Узнав о шумной реакции на Западе, в Москве спохватились, и в воскресенье, 6 октября, «Правду» открыла «шапка» во всю страницу: «Первый в мире искусственный спутник Земли создан в Советском Союзе!». Лучше поздно, чем никогда. Далее следовали отклики – свои и иностранные, обширное интервью с папанинцем, членом-корреспондентом Академии наук, геофизиком Евгением Федоровым, к делу отношения не имеющим и о запуске узнавшим вместе со всеми из газет, сообщение о том, где и как можно увидеть в небе «звездочку» спутника, сколько километров он уже успел налетать в космосе.

12 октября в «Правде» появился «Черный квадрат»: снимок ночного неба над Мельбурном в Австралии, прочерченный еле заметной светлой линией – видимым невооруженным взглядом отражением от пролетающим над ним ракетоносителем. Чтобы разглядеть миниатюрный спутник, требовался, по крайней мере, бинокль. И так продолжалось изо дня в день в течение почти двух недель.

Королев вмиг обрел мировую славу, правда, анонимную, фамилию его хранили в секрете. В газетах писали о главном конструкторе. Такая секретность в ранние послесталинские времена казалась естественной. При Сталине секретили вообще всё: абсолютные цифры в годовых статистических отчетах, расположение заводов, производивших безобидные детские игрушки, урожаи картошки и свеклы. Туристические карты не засекречивали, на то они и туристические, но так их искажали, что попасть в нужное место оказывалось затруднительным не только шпионам, но и отпускникам. Правда, шпионы снабжались своими, куда более точными картами. Недаром во время войны нашими офицерами особо ценились немецкие карты нашей территории, по ним ориентироваться оказывалось куда легче.

Завеса секретности постепенно спадала, но не до такой степени, чтобы открыто назвать фамилию главного конструктора. Правда, не все удавалось удержать в секрете. Мне как-то попался в руки заграничный журнал с картой, на которой достаточно точно указывались некоторые советские ракетные заводы и все испытательные полигоны. Соответствующие службы, видимо, не зная, как поступить, на журнал тоже (в соответствии с инструкцией) шлепнули печать «Совершенно секретно».

Кстати, такая практика засекречивания сохранялась до самого конца XX века. В начале 1990-х годов я попросил у бывших коллег по челомеевскому бюро для моей книги фотографию к тому времени уже порядком устаревшей межконтинентальной баллистической ракеты УР-100.

– К сожалению, дать не можем, – ответили мне. – Она секретная.

Я настаивал, но тщетно. Согласно инструкции, требовалось специальное разрешение правительства.

– Мы его недавно получили, но только на передачу фотографии ракеты американцам, – обмолвился мой собеседник.

От удивления у меня широко раскрылись глаза. Справедливости ради отмечу, что фотографию УР-100 вскоре рассекретили, а вот Королев оставался анонимом до самой своей смерти.

– Кому нужна такая секретность, если американцы и так все знают? – спросил я председателя КГБ Серова и сослался на упомянутый выше американский журнал.

– Знают, но не все, – ответил мне Иван Александрович. – А в том, что знают, тоже не уверены. К тому же, чтобы узнать всю эту ерунду, затрачиваются разведывательные ресурсы. Если мы рассекретим названия предприятий, их расположение, имена конструкторов, то

облегчим им жизнь, позволим сосредоточиться на главном, на том, что секретно по-настоящему.

Что ж, резон в таком ответе имелся, хотя что секретно по-настоящему, каждый понимал по-своему. О том, чтобы поместить в журнале фотографию заваливающей ракеты, не шло и речи, а вот опубликовать в академическом журнале статью о поведении «гибкого тонкостенного цилиндра, частично заполненного жидкостью» особого труда не представляло. Хотя поведение такого цилиндра, иными словами, баллистической ракеты, и представляло реальный интерес для специалистов.

В конце 1957 года в Москву в Президиум Академии наук СССР пришел запрос из Стокгольма из Нобелевского комитета с предложением выдвинуть на Нобелевскую премию главного конструктора, запустившего на орбиту искусственный спутник Земли. Не анонимного, естественно, а с именем, отчеством, фамилией и всеми биографическими данными. Предложение формулировалось в сослагательном наклонении: если советские академики сочтут возможным выдвинуть кандидатуру создателя спутника, то, получив такое обращение, Нобелевский комитет, скорее всего, отнесется к нему положительно. Министр Устинов и президент Академии наук Несмеянов пришли к отцу советоваться.

– Кого же вы предлагаете назвать? – поинтересовался он.

– Королева, естественно, только придется его рассекретить, – считали министр и академик.

– Дело тут не в секретности, и Королев, естественно, заслуживает награды, но что же делать с остальными членами Совета главных конструкторов? – засомневался отец.

– Нобелевские премии не присуждаются большим группам ученых, один-два, максимум три автора, – пояснил Несмеянов.

– Вот видите! – оживился отец. – Они хотят за нас выбирать, кого награждать, а кого нет. Естественно, исходя из собственных политических интересов, как и мы исходим из своих, присуждая Международные Ленинские Премии мира (тогда эта премия называлась Сталинской. – С. Х.).

Мы наградили всех поровну (отец имел в виду главных конструкторов, членов Совета), стоит выделить кого-то одного, как они перессорятся между собой и работа встанет.

Тогда все мало-мальски важные участники спутниковой эпопеи получили высшие государственные награды, им присудили Ленинские премии, никого не обидели. Самые главные «главные конструкторы» – члены Совета главных конструкторов вдобавок к орденам и премиям получили от правительства в подарок еще и по даче, двухэтажному каменному особняку. Их выстроили по единому проекту на Успенском шоссе, близ поселка Жуковка. Вот только Сергей Павлович отказался жить рядом с коллегами «в коммуналке», попросил построить дом поближе к «фирме», по соседству с ВДНХ. Эту улицу потом назвали именем Королева.

Отец предложил поблагодарить Нобелевский комитет за лестное предложение, но разъяснить им, что в запуске спутника принимали участие большие коллективы, весь советский народ, выделить из них одного-двух просто невозможно.

Так, не начавшись, закончилась нобелевская эпопея Королева.

Королев на отца смертельно обиделся. Его можно понять. Но можно понять и отца. Королев, руководитель головной организации, Председатель Совета главных конструкторов своей волей, энергией, гением, если хотите, объединил воедино десятки различных организаций, сотни личностных амбиций, тысячи людей. То, что его называли в газетах Главным Конструктором с большой буквы, так же, как Келдыша – Главным Теоретиком, все принимали как должное, оба – они и есть Главные. Главные, но не единственные.

Великий с большой буквы конструктор Валентин Петрович Глушко и без Нобелевской премии Королеву не раз повторял: «Мои двигатели любую жестянку в космос вынесут. Пусть Сергей (Королев) попробует обойтись без них».

– И без моей системы управления и стабилизации, – возмутился бы Николай Алексеевич Пилюгин.

– Все вы ничего не стоите без моих гироскопов, – вторил бы ему Виктор Иванович Кузнецов.

– Попробуйте обойтись без радиокоррекции и вообще без связи, – задал бы чисто риторический вопрос главный радист Михаил Сергеевич Рязанский.

– Сергей думает, что старт построить проще, чем его ракету, – не выдержал бы обычно не склонный к конфликтам Василий Павлович Бармин.

И так без конца. Трения могли возникнуть и внутри самой королевской фирмы. Замысел ракетного пакета «выносил» не Королев, его предложил ему Михаил Клавдиевич Тихонравов. Королев же организовал работу, воплотил инженерную находку в реальную ракету Р-7. Без Королева Тихонравов не довел бы Р-7 до ума, у него одного она вряд ли бы полетела. Но придумал-то пакет он, а Нобелевскую премию – Королеву только за воплощение в жизнь его, Тихонравова, идеи?

Казалось бы, очевидный ответ, что Королев, и только он достоин Нобеля, при внимательном рассмотрении становился совсем не очевидным. Выходило, что отец в своем ответе Нобелевскому комитету оказался скорее прав, чем не прав.

В отсутствие документов вокруг всей этой истории нагромождено множество домыслов, одни утверждают, что предложение о присуждении Нобелевской премии поступало, но не после первого спутника, а в связи с полетом Юрия Гагарина, другие вообще отвергают саму такую возможность, так как «самая почетная в мире награда присуждается за достижения в фундаментальных исследованиях, а “инженерного” подкомитета, по которому мог бы проходить спутник, в Нобелевском комитете просто не существует» и все это не более чем легенда.

Что ж, все возможно. Вот только премию предлагали не за конструкцию ракеты Р-7 и не за простейший спутник ПС, а за прорыв человечества в космос, это не инженерный успех Королева, а глобальное достижение человечества. Оформить его, при желании, естественно, могли бы по секции «физика». Отметили же вклад британского премьер-министра Уинстона Черчилля в победу над Гитлером Нобелевской премией по литературе. А вот полет Гагарина, при всей его триумфальности с точки зрения науки, – всего лишь демонстрация технологических возможностей советского ракетостроения.

До последнего времени я не придавал особого значения разговорам о Нобеле для Королева и не упомянул о нем в своих предыдущих книгах. Сам я в этих делах не участвовал, и отец мне о них ничего не говорил. Теперь я изменил свое мнение и решил рассказать, что знаю, вернее, что слышал.

«Легенду», а может быть, и не легенду о Нобеле для Королева, рассказал во время посиделок в Кремле, в Военно-Промышленной Комиссии (ВПК), академик-радист Александр Николаевич Щукин, один из заместителей ее председателя (Устинова), Председатель Научно-Технического Совета, и не мне, но в моем присутствии, генеральному конструктору КБ-1 тоже академику-радисту Александру Расплетину. Мы, ОКБ Челомея, тогда вместе с ними разрабатывали спутник радио локационной разведки (УС – управляемый спутник) и противоспутник (ИС – истребитель спутников). ВПК утрясало соответствующее постановление. В одном из перерывов между заседаниями Щукин и вспомнил о Нобелевской премии.

И последнее замечание. Дотошным историкам навряд ли стоит искать в архивах официальное обращение Нобелевского комитета. В таких деликатных делах все сначала согласовывается устно, а к бумаге обращаются только после получения положительного ответа.

С. Н. Хрущев. «Никита Хрущев. Реформатор»

Хотя кое-какие следы «нобелевской эпопеи» могли сохраниться в дипломатической переписке, отчетах о «частных» разговорах за коктейлем кого-то из наших с кем-то из них.